

DOI: 10.17803/1729-5920.2023.199.6.057-069

С. Б. Россинский*

О доктринальных подходах к пониманию доказательств по уголовному делу: история и современность

Аннотация. В статье рассматриваются основные этапы развития теории уголовно-процессуальных доказательств. Анализируются и систематизируются различные позиции ученых-процессуалистов, на основании чего выделяются базовые доктринальные подходы к пониманию доказательств: 1) формально-логический, 2) фактологический, 3) дуалистический, 4) лиминальный (переходный), 5) синтетический, 6) кибернетический (информационный), 6) прагматический (англосаксонский); выявляются причины возникновения, оцениваются достоинства и недостатки каждого из них.

Отмечается, что разнообразие подходов к пониманию доказательств можно объяснить предопределенностью различных научных позиций и связанных с ними законодательных положений, изначально разными мировоззренческими идеями и течениями, играющими приоритетную роль в те или иные периоды развития общества. Одновременно утверждается, что эти подходы не исключают друг друга, а раскрывают разные компоненты уголовно-процессуального доказывания как сложного, многоаспектного комплекса познавательного-удостоверительных приемов и аргументационно-логических операций: кибернетический подход — накопление полезной информации; прагматический подход — ее надлежащее удостоверение; формально-логический и фактологический подходы — обоснование правоприменительных решений и позиций сторон и т.д.

В этой связи формулируется вывод об оптимальности и о наибольшей приемлемости для использования еще одного, так называемого неосинтетического подхода. Под доказательствами предлагается понимать предусмотренные законом и предопределенные материальными либо идеальными следами-отображениями информационные активы, подлежащие накоплению в качестве юридически пригодных (допустимых) информационных продуктов, а затем — использованию в качестве аргументационных ресурсов, которые в своей совокупности способствуют дознавателю, следователю, суду в установлении имеющих значение для уголовного дела обстоятельств и обосновании правоприменительных решений, а сторонам — в попытках дозволенного воздействия на характер и содержание этих решений.

Ключевые слова: доказательства; доказательственное право; доказательственные факты; кибернетическая теория доказательств; обоснование решений; основания для судебного убеждения; средства доказывания; теория доказательств.

Для цитирования: Россинский С. Б. О доктринальных подходах к пониманию доказательств по уголовному делу: история и современность // *Lex russica*. — 2023. — Т. 76. — № 6. — С. 57–69. — DOI: 10.17803/1729-5920.2023.199.6.057-069.

© Россинский С. Б., 2023

* *Россинский Сергей Борисович*, доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук
ул. Знаменка, д. 10, г. Москва, Россия, 119019
s.rossinskiy@gmail.com

Doctrinal Approaches to Understanding Evidence in a Criminal Case: History and Modernity

Sergey B. Rossinskiy, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Leading Researcher, Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology Sector, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences
ul. Znamenka, d. 10, Moscow, Russia, 119019
s.rossinskiy@gmail.com

Abstract. The paper discusses the main stages of the development of the theory of criminal procedural evidence. The author analyzes and systematizes various approaches of procedural researchers, on the basis of which the basic doctrinal approaches to understanding evidence are distinguished: 1) formal-logical; 2) factual; 3) dualistic; 4) liminal (transitional); 5) synthetic; 6) cybernetic (informational); 6) pragmatic (Anglo-Saxon). The paper defines the causes of their emergence, evaluates their advantages and disadvantages.

It is noted that the diversity of approaches to understanding evidence can be explained by the predetermination of various academic approachers and related legislative provisions, initially different ideological ideas and trends that play a priority role in certain periods of society development. At the same time, it is argued that these approaches do not exclude each other, but reveal different elements of criminal procedural evidence as a comprehended, multidimensional complex of cognitive-certifying techniques and argumentative-logical operations: the cybernetic approach as accumulation of useful information; pragmatic approach as its proper certification; formal-logical and factual approaches as justification of law enforcement decisions and positions of the parties, etc.

In this regard, the conclusion is formulated about the optimality and the greatest acceptability for the use of another, so-called non-synthetic approach. Evidence is proposed to be understood as information assets provided for by law and predetermined by substantive or ideal traces-displays, subject to accumulation as legally suitable (permissible) information products, and then used as argumentative resources, which support the investigator, inquirer, court in establishing circumstances relevant to the criminal case and substantiating law enforcement decisions., and to the parties in attempts to influence the nature and content of these decisions.

Keywords: evidence; law of evidence; evidentiary facts; cybernetic theory of evidence; justification of decisions; grounds for judicial conviction; means of proof; theory of evidence.

Cite as: Rossinskiy SB. Distantionnaya rabota: novoe pravovoe regulirovanie [Doctrinal Approaches to Understanding Evidence in a Criminal Case: History and Modernity]. *Lex russica*. 2023;76(6):57-69. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.199.6.057-069. (In Russ., abstract in Eng.).

Среди всех существующих средств уголовно-процессуального доказывания особая роль принадлежит доказательствам — полезным информационным активам, возникающим на основе материальных или идеальных следов-отображений (следов в широком смысле) и позволяющим дознавателю, следователю, суду устанавливать имеющие значение для уголовного дела обстоятельства и обосновывать правоприменительные решения, а сторонам — пытаться влиять на характер и содержание этих решений. Вне всяких сомнений, доказательства — это основные, в определенном смысле важнейшие, самые известные, «раскрученные» средства доказывания. А связанные с ними доктринальные, нормативно-правовые и практические проблемы уже много лет характеризуются особой научной популярностью: привлекают пристальное внимание ученых и побуждают к бесконечным спорам и дискуссиям.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство предусматривает легальную дефиницию доказательств. С одной стороны, под ними понимаются любые сведения, позволяющие дознавателю, следователю, прокурору и суду в предусмотренном законом порядке устанавливать наличие или отсутствие различных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, в первую очередь обстоятельств, подлежащих доказыванию по данному делу (ч. 1 ст. 74 УПК РФ), тогда как с другой — таковыми признаются юридически пригодные для использования (допустимые) информационные продукты, содержащие подобные сведения: показания, заключения, вещественные доказательства, протоколы, иные документы (ч. 2 ст. 74 УПК РФ). В этой связи неудивительно, что подобное понимание доказательств разделяется и во многих современных публикациях¹.

¹ См., например: *Лупинская П. А.* Доказательства и доказывание в новом уголовном процессе // Российская юстиция. 2002. № 7. С. 5–8; *Быков В. М., Березина Л. В.* Доказывание в стадии возбуждения уго-

Вместе с тем, несмотря на свою легальность, официальный характер, такая позиция одобряется далеко не всеми специалистами и использовалась далеко не всегда. За долгие годы развития национальной уголовной юстиции доктринальные и законодательные представления о сущности доказательств неоднократно менялись, пересматривались и постоянно сопровождалась множеством критических оценок и полемических обсуждений. Анализ различных взглядов дореволюционных, советских и российских ученых-процессуалистов позволяет выделить несколько укрупненных доктринальных подходов к пониманию доказательств.

1. *Формально-логический подход.* В дореволюционный период развития уголовной юстиции легальной дефиниции доказательств просто не существовало, а в научной доктрине под ними понимались не более чем апостериорные основания для судебного убеждения, то есть некие аргументационные ресурсы (логические аргументы, доводы, силлогистические посылки), позволяющие судьям, судебным следователям, присяжным заседателям обосновывать приговоры и прочие правоприменительные решения. Например, этого мнения придерживался известный русский ученый В. Д. Спасович². Близкую позицию высказывал еще один крупный представитель дореволюционной школы — Я. И. Баршев, который определял доказательства как причины, обуславливающие убежденность в реальности какого-либо происшествия. Одновременно автор обращал внимание на необходимость разграничения доказательств и так называемых улик, под которыми как раз и понимал следы-отображения (следы в широком смысле), то есть имеющие значение для уголовного дела материальные или идеальные объекты ретроспективного познания³. В свою очередь, И. Я. Фойницкий, опираясь на мнение австрийского правоведа Ю. Глазера, считал доказательствами не отдельные основания для судебного убеждения, а их совокупность, обуславливающую осознание

подлинности или мнимости подлежащих установлению (в терминологии тех лет — удостоверению) обстоятельств⁴.

Иными словами, приверженцы формально-логического подхода уделяли особое внимание логическому аспекту доказывания, признавали первостепенное значение внутреннего убеждения для принятия правоприменительных решений по уголовному делу. Однако подобные позиции были далеко не безгрешными. Они характеризовались отсутствием четкой связи признаваемых доказательствами логических аргументов, доводов, силлогистических посылок с накопленными по уголовному делу информационными активами (с обнаруженными уликами).

2. *Фактологический подход.* В то же время существовали сходные, но все-таки несколько иные и, как представляется, более утилитарные научные воззрения: под доказательствами понимались далеко не всякие и тем более не абстрактные логические аргументы, доводы, силлогистические посылки, а лишь используемые в качестве таковых конкретные промежуточные (буферные) факты. В частности, эти идеи нашли отражение в публикациях крупнейшего дореволюционного специалиста в области доказательственного права — Л. Е. Владимирова. Автор предлагал признавать доказательствами любые факты, побуждающие судей к убежденности в реальности или нереальности обстоятельств, входящих в предмет разбирательства по тому или иному уголовному делу⁵. Аналогичного мнения придерживался и другой известный русский ученый — М. В. Духовской⁶.

Однако наибольшую популярность подобные позиции приобрели уже в советский период развития уголовно-процессуальной доктрины. Например, данную точку зрения отстаивал академик А. Я. Вышинский. Он писал о доказательствах как о типичных фактах, то есть фрагментах объективной реальности, говорил, что таковыми являются люди, вещи, действия людей, попадающие в орбиту судопроизводства в качестве

ловного дела. Казань, 2006. С. 23 ; Ульянова Л. Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России. М., 2008. С. 90–91.

² См.: Спасович В. Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством. М., 2001. С. 5.

³ См.: Баршев Я. И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. М., 2001. С. 52.

⁴ См.: Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 2. С. 194.

⁵ См.: Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула, 2000. С. 133.

⁶ См.: Духовской М. В. Русский уголовный процесс М., 1910. С. 200.

средств установления значимых для уголовного дела обстоятельств и разрешения соответствующих правовых вопросов⁷. Примерно этих же взглядов придерживался еще один известный советский ученый — И. Д. Перлов, который допускал признание доказательствами любых относимых фактов⁸. Сходную, но характеризующую оттенком позицию занимали В. И. Громов, М. А. Чельцов и некоторые другие советские ученые, которые считали доказательствами не любые относимые факты, а лишь факты, вытекающие из допустимых (прямо установленных законом) источников⁹. Кстати, на вариативность данной позиций, по всей вероятности, оказали влияние положения раннесоветского уголовно-процессуального законодательства, где впервые предусматривался закрытый перечень средств доказывания. В частности, согласно ст. 58 УПК РСФСР 1923 г. таковыми признавались показания свидетелей, заключения экспертов, вещественные доказательства, протоколы осмотров, иные письменные документы и личные объяснения обвиняемого.

По сравнению с формально-логическим пониманием доказательств фактологический подход находился в гораздо более выигрышном положении. При сохранении первостепенного значения внутреннего убеждения для принятия правоприменительных решений доказательством считалось нечто конкретное — в противоположность абстрактному, реальное — в противоположность мнимому.

Вместе с тем подобный подход тоже не был свободен от изъянов. Один из них заключался в принципиальной несовместимости объективно существующих фактов как фрагментов окружающей реальности с критериями оценки юридической пригодности подлежащих использованию средств доказывания, в первую очередь с законностью получения (допустимостью) и достоверностью. В этой связи С. А. Голунский справедливо писал, что сами по себе факты не могут расцениваться как доброкачественные

или недоброкачественные — они либо есть, либо их вообще нет¹⁰. Кроме того, указанный подход характеризовался несколько непродуманным, в чем-то даже бесцеремонным отношением к используемому понятийному аппарату. С одной стороны, доказательства прямо назывались фактами, то есть признавались классическими логическими аргументами, доводами, силлогистическими посылками для умозаключений и выводов о наличии или об отсутствии имеющих значение для уголовного дела обстоятельств — это предполагало сведение всего доказывания не более чем к логическому процессу, к аналитическим операциям с имеющимися фактами, либо, в крайнем случае, к судебным прениям, совещанию коллегии судей и другим процедурам, связанным с обоснованием одним субъектом доказывания своей позиции перед другим. Тогда как, с другой стороны, под доказательствами подразумевались первичные информационные продукты (показания, протоколы, документы и т.д.), что свидетельствовало о включении в содержание доказывания познавательного-удостоверительных приемов, позволяющих накопить пригодную для последующей умственной обработки полезную информацию.

3. Дуалистический подход. Со временем указанные позиции трансформировались, возникло двойственное (дуалистическое) понимание доказательств: 1) как буферных фактов, вызывающих убежденность в существовании или отсутствии подлежащих установлению обстоятельств; 2) как допустимых источников этих фактов: показаний, экспертных заключений, вещественных доказательств и т.д. Впервые подобные идеи возникли еще в середине 1920-х гг., например высказывались П. И. Люблинским в его известном практическом комментарии к положениям доказательственного права¹¹. Позднее эта точка зрения нашла отражение в работах М. С. Строговича, А. И. Трусова и ряда других авторов¹².

⁷ См.: *Вышинский А. Я.* Теория судебных доказательств в советском праве. 3-е изд. М., 1950. С. 223.

⁸ См.: *Перлов И. Д.* Уголовное судопроизводство в СССР. М., 1959. С. 35.

⁹ См.: *Громов В. И.* Вещественные улики и научно-уголовная техника. М., 1932. С. 10; *Чельцов М. А.* Советский уголовный процесс. М., 1951. С. 136.

¹⁰ См.: *Вопросы судопроизводства и судостройства в новом законодательстве Союза ССР / под ред. С. А. Голунского.* М., 1959. С. 148.

¹¹ См.: *Люблинский П. И.* О доказательствах в уголовном суде : практический комментарий к главе IV Уголовно-процессуального кодекса / под ред. Н. Н. Полянского и П. Н. Малянтовича. М., 1924. С. 3.

¹² См.: *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 288–289; *Трусов А. И.* Основы теории судебных доказательств. М., 1960. С. 51.

Дуалистический подход стал первой серьезной попыткой выявления роли и определения места доказательств в свойственных уголовному судопроизводству сложных и витиеватых механизмах ретроспективного познания. По всей вероятности, прекрасно осознавая двух-, а порой и многоступенчатость уголовно-процессуального доказывания, советские ученые начали признавать доказательствами и предопределенные следами-отображениями информационные активы, подлежащие использованию для установления буферных фактов, и сами факты, позволяющие мысленно реконструировать обстоятельства, входящие в предмет доказывания, или убедиться в их отсутствии.

Вместе с тем данная конструкция также оказалась не вполне удачной. Ее сторонники, видимо, проигнорировав или недооценив воззрения Я. И. Баршева, В. Д. Спасовича и других дореволюционных ученых о разграничении улики и оснований для судебного убеждения, смешали их в единую массу, что привело к большой путанице, научной и правовой неопределенности. Даже один из самых авторитетных сторонников дуалистического подхода — М. С. Строгович — был вынужден признать сложность двойственного понимания доказательств¹³.

4. *Лиминальный (переходный) подход.* Несколько позже в уголовно-процессуальной доктрине сформировался еще один подход, приверженцы которого считали доказательствами не столько сами факты, сколько фактические данные. По сути, такой подход предполагал постепенную трансформацию тезиса «доказательства — это факты» в возникшую на рубеже 1960–1970-х гг. кибернетическую (информационную) теорию, основанную на утверждении «доказательства — это полезные сведения, информационные сигналы».

В принципе, подобные позиции встречались еще в дореволюционных публикациях, например в работах В. К. Случевского¹⁴. Однако наибольшую популярность лиминальный подход приобрел гораздо позднее — после вступления в силу Основ уголовного судопроизвод-

ства Союза ССР и союзных республик 1958 г. и соответствующих республиканских кодексов, в частности УПК РСФСР 1960 г. В отличие от раннесоветского уголовно-процессуального права указанные нормативные акты прямо предусматривали достаточно четкое определение доказательств: таковыми признавались любые фактические данные (!), позволяющие судам, прокурорам, следователям, органам дознания в предусмотренном законом порядке устанавливать различные имеющие значение для правильного разрешения уголовного дела обстоятельства, тогда как показания, экспертные заключения, вещественные доказательства, протоколы следственных и судебных действий, иные документы по смыслу закона расценивались как источники доказательств, обеспечивающие возможность выявления, обнаружения, распознавания подлежащих использованию фактических данных (ст. 16 Основ; ст. 69 УПК РСФСР). Другими словами, впервые решившись на легальную дефиницию доказательств, законодатель сам предопределил резкую активизацию и возрастание количества сторонников лиминального подхода. Например, подобной точки зрения придерживался С. А. Голунский, который полагал, что доказательствами могут признаваться лишь фактические данные и лишь после их надлежащей проверки, в том числе сопоставления с уже установленными фактами¹⁵. Сходную позицию высказывал и Р. С. Белкин. Автор считал такой подход полностью соответствующим гносеологическому смыслу доказательств и поэтому единственно верным¹⁶. Близкие взгляды можно встретить и в целом ряде других публикаций¹⁷.

С одной стороны, по сравнению с позициями А. Я. Вышинского, М. С. Строговича, А. И. Трусова лиминальный подход более точно определял сущность, содержание и предназначение доказательств в общем механизме уголовно-процессуального доказывания. Его сторонники справедливо обращали внимание на практическую невозможность манипулирования фактами, тем более их «втискивания» в установленные

¹³ См.: Строгович М. С. Указ. соч. С. 291.

¹⁴ См.: Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса / под ред. В. А. Томсинова. М., 2008. Ч. 2. С. 103.

¹⁵ См.: Вопросы судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве Союза ССР. С. 146.

¹⁶ См.: Белкин Р. С. Собрание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. М., 1966. С. 10–11.

¹⁷ См., например: Каз Ц. М. Доказательства в советском уголовном процессе. Саратов, 1960. С. 24–25; Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькин П. С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978. С. 99.

законом познавательные продукты: показания, протоколы, документы и т.д. Подчеркивалось, что ввиду материальной природы, изначально объективного характера и существования в окружающей реальности сами по себе факты не предрасположены ни к техническому накоплению, ни к опровержению, ни к превращению в аргументационные ресурсы; в очередной раз говорилось о немыслимости признания фактов достоверными или недостоверными, юридически доброкачественными или недоброкачественными. В этой связи отмечалось, что субъекты доказывания способны оперировать не столько фактами, сколько данными (сведениями) о таких фактах, получаемыми из предусмотренных законом источников либо генерируемыми посредством мыслительной реконструкции¹⁸.

С другой стороны, лиминальный подход был достаточно сложен для надлежащего уяснения и осмысления вследствие многозначности и неопределенности терминов «факт», «данные», «сведения» и др., вариативности их употребления в быту, философии, юриспруденции, информатике, иных областях науки и техники. К тому же уважаемые ученые, по всей вероятности, сами испытывали изрядные сложности в использовании указанных терминов, что нередко вызывало и продолжает вызывать сильные искажения смысла адресованных читателям научных посылов, приводило и продолжает приводить к еще большему недопониманию содержания соответствующих публикаций.

Кстати, по этой же причине — ввиду многозначности и неопределенности используемой терминологии — лиминальный подход, по сути, не устранил основного недостатка дуалистического понимания доказательств, состоящего в смешении возникающих посредством восприятия фрагментов объективной реальности информационных активов и генерируемых в результате их умственной обработки буферных фактов в единую массу. В связи с этим М. С. Строгович обращал внимание на сохранение в положениях Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г. и УПК РСФСР 1960 г. двойственного смысла до-

казательств, однако расценивал такую деталь не как предрасполагающий к трудностям нормативный изъян, а как вполне закономерное правотворческое явление¹⁹.

5. *Синтетический подход*. По всей вероятности, вышеуказанные шероховатости в конце концов побудили отдельных ученых к намерениям интеграции дуалистического и лиминального понимания доказательств, их слияния в некую обобщенную, в чем-то даже универсальную доктринально-правовую концепцию. В результате под доказательствами стали пониматься и факты, и фактические данные (в некоторых публикациях — сведения о фактах), и их источники. Например, В. Д. Арсеньев признавал доказательствами: а) предусмотренные законом средства доказывания (показания, вещественные доказательства, протоколы и т.д.); б) устанавливаемые на их основе первичные фактические данные; в) как бы вторичные фактические данные, то есть факты настоящего и прошлого, выводимые из первичных данных либо прямо вытекающие из средств доказывания²⁰. Несколько иных, но всё же близких взглядов придерживался и Ф. Н. Фаткуллин, который предлагал считать доказательствами: а) вытекающие из предусмотренных законом источников сведения о любых имеющих значение для уголовного дела обстоятельствах; б) устанавливаемые на основе таких сведений побочные факты; в) доступные для непосредственного восприятия материальные следы преступления²¹.

Подобный подход можно оценить как попытку универсализации определения доказательств, его распространения и на прямые, и на косвенные ресурсы, включение в его содержание и предопределенных следами-отображениями информационных продуктов, и получаемых логическим путем данных о буферных фактах. Вместе с тем по сравнению с другими научными воззрениями о сущности доказательств синтетическая концепция детерминировала еще большую доктринальную эклектику — смешение в одну общность уже не двух (как это было свойственно дуалистическому подходу), а сразу трех различных феноменов: 1) самих

¹⁸ См.: Вопросы судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве Союза ССР. С. 148 ; Лукашевич В. З. О понятии доказательства в советском уголовном процессе // Правоведение. 1963. № 1. С. 111–118 ; Фаткуллин Ф. Н. Общие проблемы процессуального доказывания. 2-е изд. Казань, 1976. С. 102–103 ; Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькин П. С. Указ. соч. С. 100.

¹⁹ См.: Строгович М. С. Указ. соч. С. 294.

²⁰ См.: Арсеньев В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств. М., 1964. С. 92.

²¹ См.: Фаткуллин Ф. Н. Указ. соч. С. 114.

следов-отображений; 2) вытекающих из них первичных фактических данных; 3) буферных фактов, устанавливаемых путем умственной генерации первичных данных.

б. *Кибернетический (информационный) подход*. Примерно в то же время (на рубеже 1960–1970-х гг.) в недрах уголовно-процессуальной науки зародился и начал стремительно развиваться еще один подход к пониманию доказательств — вышеупомянутая кибернетическая (информационная) теория, которой впоследствии было суждено получить официальное признание и, по сути, стать доктринальной базой для современного доказательственного права. Она возникла на пике всеобщего увлечения научными проблемами, связанными с закономерностями получения, хранения, преобразования и передачи данных, то есть была обусловлена возросшим интересом ученых-процессуалистов к сугубо информационным аспектам доказывания, поиском точек соприкосновения передовых кибернетических идей с практикой собирания, исследования, проверки и оценки доказательств.

В принципе, сущность кибернетической теории тоже сводится к пониманию доказательств как полученных в установленном порядке полезных сведений (в более ранних публикациях — как всё тех же фактических данных), способствующих установлению имеющих значение для уголовного дела обстоятельств. Однако им придается совершенно иной смысл: такими сведениями (фактическими данными) признаются не столько используемые для обоснования правоприменительных актов и позиций сторон аргументационные ресурсы, сколько находящиеся в неразрывном единстве со своими носителями (источниками) и предрасположенные к восприятию фрагменты информации, то есть поступающие извне информационные сигналы, подлежащие перцепции посредством взаимодействия с идеальными либо материальными следами-отображениями (следами в широком смысле).

Методологический фундамент кибернетической теории доказательств был заложен в

публикациях известного ученого-процессуалиста В. Я. Дорохова. Как бы солидаризируясь со сторонниками лиминального подхода, автор писал о неприемлемости признания доказательствами фактов как объективно существующих фрагментов окружающей реальности, утверждал о попадании в орбиту человеческого мышления не самих предметов или явлений, а лишь сведений об их существовании (фактических данных), трансформирующихся в соответствующие мысленные образы. Однако при этом ученый полагал, что подобные сведения (фактические данные) возникают как отображения неких обстоятельств в сознании подозреваемых, обвиняемых, потерпевших, свидетелей, в объектах материального мира и т.д., а затем передаются субъектам доказывания в виде информационных сигналов, воздействующих на их сенсорную систему (на органы чувств)²². В дальнейшем подобные идеи нашли отражение и получили развитие в трудах Л. М. Карнеевой, А. А. Хмырова, С. А. Шейфера и целого ряда других авторов, активно публиковавшихся в 1970–1990-е гг.²³

Кибернетическая теория повлияла на усиление роли познавательного компонента доказывания, стала серьезным импульсом для развития процессуальных механизмов собирания доказательств, предопределила целый ряд научных исследований, посвященных проблемам производства следственных действий, судебных экспертиз, других способов накопления и проверки полезных сведений. В итоге, как было отмечено выше, она была официально признана законодателем и стала доктринальной основой для положений постсоветского доказательственного права: по смыслу действующего на сегодняшний день уголовно-процессуального закона под доказательствами понимаются юридически пригодные для использования информационные продукты, содержащие любые сведения, позволяющие дознавателю, следователю, прокурору, суду устанавливать действительность либо недействительность имеющих значение для уголовного дела обстоятельств (ст. 74 УПК РФ). При этом, как уже отмечалось выше, многие ученые выразили согласие с

²² См., например: *Дорохов В. Я.* Понятие доказательства в советском уголовном процессе // Советское государство и право. 1964. № 9. С. 110 ; *Теория доказательств в советском уголовном процессе* / отв. ред. Н. В. Жогин. М., 1973. С. 207.

²³ См.: *Карнеева Л. М.* Доказательства и доказывание при производстве расследования. Горький, 1977. С. 6–8 ; *Хмыров А. А.* Косвенные доказательства. М., 1979. С. 6–7 ; *Шейфер С. А.* Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. П. А. Лупинская. М., 1972. С. 5–9 ; *Кокорев Л. Д., Кузнецов Н. П.* Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж, 1995. С. 121.

такой нормативной конструкцией, оценили ее как вполне приемлемую для использования в правоприменительной практике. В частности, один из самых известных сторонников кибернетической теории — С. А. Шейфер — обратил внимание на явную выигрышность, на более четкое содержание современной дефиниции доказательств по сравнению с соответствующими положениями УПК РСФСР 1960 г.²⁴

Вместе с тем далеко не все авторы были столь оптимистичны. В ряде публикаций содержатся весьма негативные оценки и выявляются достаточно серьезные недостатки кибернетической теории. В первую очередь она навлекла на себя вполне обоснованный шквал критики ввиду игнорирования, по крайней мере сильного умаления, роли аргументационно-логических операций, непризнания доказательственных фактов, то есть сведений всего доказывания исключительно к информационному процессу²⁵. В этой связи Е. А. Доля заявил о некоторой ущербности ч. 1 ст. 74 УПК РФ и поратовал за нормативную реставрацию положений, позволяющих дознавателю, следователю, суду использовать доказательства не только для установления определенных обстоятельств, но и для правильного разрешения уголовных дел, то есть обоснования правоприменительных решений²⁶. Сходное мнение высказал А. С. Барабаш, который воспринял данную норму как исключающую возможность полноценного использования косвенных доказательств, позволяющих приходиться к окончательным выводам путем логического оперирования промежуточными фактами²⁷. Другие авторы также не без оснований обращают внимание на несогласованность положений ст. 74 УПК РФ, фактически предполагающих одновременное признание доказательствами и приобщаемых к уголовному

делу информационных продуктов (показаний, заключений, вещественных доказательств, протоколов, документов), и вытекающих из них полезных сведений, то есть приводящих к гносеологическому конфликту формы и содержания²⁸.

7. *Прагматический (англосаксонский) подход.* В 1990-е гг. ввиду известных тенденций, связанных с проникновением во властные и окол властные круги апологетов либерализма и демократии (а по факту — поборников навязанных американскими партнерами правовых ценностей) и вызвавших научно-конъюнктурную моду на бездумное восхваление и заимствование постулатов англосаксонской правовой доктрины, некоторые авторы начали активно отстаивать еще один подход к пониманию доказательств. В публикациях уголовно-процессуальной направленности стали высказываться идеи, предполагающие приоритетное значение юридической пригодности (допустимости) доказательств к использованию по назначению, то есть явное превалирование процедурных правил получения, фиксации и (или) преподнесения суду полезных сведений перед их содержанием. Другими словами, доказательствами стали признаваться не столько сами сведения или фактические данные, сколько надлежащим образом оформленные предметы, документы и, в особенности, устные сообщения обвиняемых, потерпевших, свидетелей, других участников уголовного судопроизводства. Например, С. А. Пашин прямо предлагал судьям не стремиться к установлению истины, не акцентировать внимание на цели доказывания, а лишь следить за соблюдением судебных процедур, обеспечивать надлежащую форму судебного разбирательства²⁹. Подобную позицию поддерживали Ю. А. Ляхов, В. В. Золотых³⁰ и некоторые другие ученые. А самые непримиримые,

²⁴ См.: Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М., 2008. С. 56.

²⁵ См.: Орлов Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2009. С. 62.

²⁶ См.: Доля Е. А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. М., 2009. С. 73.

²⁷ См.: Барабаш А. С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление. СПб., 2005. С. 182.

²⁸ См.: Костенко Р. В. Доказательства в уголовном процессе: концептуальные подходы и перспективы правового регулирования : дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2006. С. 13 ; Жажицкий В. И. Доказательства и доказывание по УПК РФ. СПб., 2015. С. 172–173.

²⁹ См.: Судебная реформа: юридический профессионализм и проблемы юридического образования. Дискуссии / под ред. Л. М. Карнозовой. М., 1995. С. 312.

³⁰ См.: Ляхов Ю. А. Допустимость доказательств в российском уголовном процессе. М., 1999. С. 3, 21 ; Золотых В. В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе. Ростов н/Д, 1999. С. 37.

в чем-то даже воинственные адепты данного подхода — это, конечно, представители так называемой нижегородской школы во главе с уже заслужившим соответствующую репутацию профессором А. С. Александровым.

Какой же из указанных доктринальных подходов является наиболее разумным, максимально и всесторонне раскрывающим сущность доказательств как сложного и многогранного уголовно-процессуального феномена?

Ответ на данный вопрос представляется далеко не однозначным, поэтому он в обозримом будущем, скорее всего, не потеряет своей дискуссионности и продолжит побуждать к жарким научным спорам и дебатам. Причем истоки такой дискуссионности во многом вполне очевидны. И они преимущественно обусловлены вовсе не принципиальными разногласиями специалистов по поводу гносеологической природы и логической роли доказательств, их места и значения в общих механизмах уголовно-процессуального познания и обоснования правоприменительных решений либо позиций сторон — как раз эти вопросы воспринимаются всеми учеными примерно одинаково, поскольку не зависят от искусственно созданных юридических законов и правил, а связаны с естественными способностями людей к накоплению и умственной обработке информации.

Подлинная причина множественности доктринальных подходов к пониманию доказательств видится несколько в ином — в их предопределенности изначально разными мировоззренческими идеями и течениями, то есть своеобразными философскими «трендами», играющими приоритетную роль в те или иные периоды развития российского и советского социумов. И, таким образом, неудивительно, что воспитанные на постулатах классического немецкого идеализма Я. И. Баршев, В. Д. Спасович, И. Я. Фойницкий и другие дореволюционные авторы писали о доказательствах как о достаточно абстрактных основаниях для судебного убеждения, а основными источниками их получения считали опыт, разум, приобретенные знания. Нет ничего странного и в том, что в конце XIX в. стали предприниматься попытки уяснения сущности доказательств посредством методологии набирающего обороты диалектического материализма, а в советский период эти идеи получили новый импульс для развития, но уже в контексте марксистско-ленинской

диалектики. Вполне очевидны и причины возникновения во второй половине XX в. кибернетической теории: она возникла в разгар кибернетического бума³¹, была связана с повальным увлечением информационными процессами и технологиями, то есть стала уголовно-процессуальным воплощением передовых научных разработок в сфере получения, хранения, преобразования и передачи информационных ресурсов. Тогда как постсоветские тенденции в развитии подходов к пониманию доказательств — это прямое следствие проникновения в российскую науку множества иных мировоззренческих течений.

Более того, представляется, что различные подходы к пониманию доказательств вообще не исключают друг друга, а всего лишь раскрывают разные компоненты уголовно-процессуального доказывания как сложного, многоаспектного комплекса познавательно-удостоверительных приемов и аргументационно-логических операций. В частности, кибернетическая теория доказательств как нельзя лучше объясняет сущность и механизмы уголовно-процессуального познания, связанного с восприятием материальных либо идеальных следов-отображений и формированием на их основе соответствующих мысленных образов. В свою очередь, прагматический подход (если, конечно, воспринимать его не как кальку с англосаксонской модели доказывания, а как научные идеи о приоритете процессуальной формы, особом значении юридических процедур) достаточно хорошо увязывается с правилами удостоверения и фиксации накапливаемых сведений. И наконец, воззрения дореволюционных и советских ученых, понимавших под доказательствами основания для судебного убеждения или факты, то есть считавших их не более чем доводами, силлогистическими посылками, имеют прямую взаимосвязь с аргументационно-логическим компонентом доказывания, направленным на обоснование правоприменительных решений или позиций сторон.

8. Неосинтетический подход. В связи с изложенным оптимальным, максимально раскрывающим сущность доказательства как сложного и многогранного уголовно-процессуального феномена мог бы стать еще один, как бы интегрирующий все существующие воззрения научный подход, то есть чем-то напоминающий позиции В. Д. Арсеньева и Ф. Н. Фаткуллина, но отличаю-

³¹ См.: Орлов Ю. К. Указ. соч. С. 61.

щийся от них применимостью разных пониманий доказательств к различным компонентам доказывания: доказательств как информационных активов — к познавательному компоненту; доказательств как надлежащим образом оформленных предметов, документов, сведений — к удостоверительному; доказательств как доводов, аргументов, силлогистических посылок — к аргументационно-логическому. Такую концепцию разумно назвать неосинтетическим подходом и использовать для дальнейшего развития теории уголовно-процессуального доказывания и доказательственного права.

В принципе, сходные взгляды уже получили определенное доктринальное воплощение — в течение последних лет подобные идеи высказываются в публикациях известного процессуалиста В. А. Лазаревой. Она предлагает толковать категорию «доказательства» в трех взаимосвязанных, но тем не менее достаточно автономных значениях: 1) в информационном аспекте — как любые сведения, попадающие в распоряжение участников уголовного судопроизводства и предрасполагающие к установлению имеющих значение для дела обстоятельств; 2) в формально-процессуальном аспекте — как предусмотренные законом информационные продукты (показания, про-

токолы, документы и т.д.); 3) в логическом и аксиологическом аспектах — как достоверные сведения (факты), позволяющие аргументировать обвинительный приговор³². Конечно, указанная позиция, как и любая другая неординарная и новаторская точка зрения крупного ученого, тоже не свободна от некоторых шероховатостей и побуждает к определенной дискуссии. Однако в целом выдвигаемые В. А. Лазаревой идеи о сущности уголовно-процессуальных доказательств заслуживают безусловной поддержки.

И таким образом, под доказательствами в уголовном судопроизводстве разумно понимать предусмотренные законом и предопределенные материальными либо идеальными следами-отображениями информационные активы, подлежащие накоплению в качестве юридически пригодных (допустимых) информационных продуктов, а затем — использованию в качестве аргументационных ресурсов, которые в своей совокупности способствуют дознавателю, следователю, суду в установлении имеющих значение для уголовного дела обстоятельств и обосновании правоприменительных решений, а сторонам — в попытках дозволенного воздействия на характер и содержание этих решений.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Арсеньев В. Д.* Вопросы общей теории судебных доказательств. — М. : Юридическая литература, 1964. — 179 с.
2. *Барабаш А. С.* Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление. — СПб. : Юридический центр, 2005. — 254 с.
3. *Баршев Я. И.* Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. — М. : ЛексЭст, 2001. — 209 с.
4. *Белкин Р. С.* Собрание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. — М. : Наука, 1966. — 295 с.
5. *Быков В. М., Березина Л. В.* Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела. — Казань : Таглимат, 2006. — 256 с.
6. *Владимиров Л. Е.* Учение об уголовных доказательствах. — Тула : Автограф, 2000. — 462 с.
7. Вопросы судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве Союза ССР / под ред. С. А. Голунского. — М. : Госюриздат, 1959. — 475 с.
8. *Вышинский А. Я.* Теория судебных доказательств в советском праве. — М. : Госюриздат, 1950. — 308 с.
9. *Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькин П. С.* Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. — Воронеж : Воронежский госуниверситет, 1978. — 303 с.
10. *Громов В. И.* Вещественные улики и научно-уголовная техника. — М. : Советское законодательство, 1932. — 88 с.
11. *Доля Е. А.* Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. — М. : Проспект, 2009. — 376 с.

³² См.: *Лазарева В. А.* Доказывание в уголовном процессе : учебник. 5-е изд. М., 2014. С. 171.

12. Дорохов В. Я. Понятие доказательства в советском уголовном процессе // Советское государство и право. — 1964. — № 9. — С. 108–117.
13. Духовской М. В. Русский уголовный процесс. — М. : Тип. А. П. Поплавского, 1910. — 448 с.
14. Зажицкий В. И. Доказательства и доказывание по УПК РФ. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2015. — 439 с.
15. Золотых В. В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе. — Ростов н/Д : Феникс, 1999. — 288 с.
16. Каз Ц. М. Доказательства в советском уголовном процессе. — Саратов : Издательство Саратовского университета, 1960. — 106 с.
17. Карнеева Л. М. Доказательства и доказывание при производстве расследования. — Горький : Горьковская высшая школа МВД СССР, 1977. — 44 с.
18. Кокорев Л. Д., Кузнецов Н. П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. — Воронеж : Воронежский госуниверситет, 1995. — 268 с.
19. Костенко Р. В. Доказательства в уголовном процессе: концептуальные подходы и перспективы правового регулирования : дис. ... д-ра юрид. наук. — Краснодар : КубГАУ, 2006. — 393 с.
20. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе : учебник. — 5-е изд. — М. : Юрайт, 2014. — 359 с.
21. Лукашевич В. З. О понятии доказательства в советском уголовном процессе // Правоведение. — 1963. — № 1. — С. 110–119.
22. Лупинская П. А. Доказательства и доказывание в новом уголовном процессе // Российская юстиция. — 2002. — № 7. — С. 5–8.
23. Люблинский П. И. О доказательствах в уголовном суде: практический комментарий к главе IV Уголовно-процессуального кодекса / под ред. Н. Н. Полянского и П. Н. Малянтовича. — М. : Право и жизнь, 1924. — 62 с.
24. Ляхов Ю. А. Допустимость доказательств в российском уголовном процессе. — М. : Экспертное бюро, 1999. — 80 с.
25. Орлов Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. — М. : Юристъ, 2009. — 174 с.
26. Перлов И. Д. Уголовное судопроизводство в СССР. — М. : Госюриздат, 1959. — 102 с.
27. Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса / под ред. В. А. Томсинова. Ч. II. — М. : Зерцало, 2014. — 486 с.
28. Спасович В. Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судостроительством и судопроизводством. — М. : ЛексЭст, 2001. — 93 с.
29. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. — М. : Наука, 1968. — 470 с.
30. Судебная реформа: юридический профессионализм и проблемы юридического образования. Дискуссии / под ред. Л. М. Карнозовой. — М. : Международный комитет содействия правовой реформе, 1995. — 384 с.
31. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. — М. : Юридическая литература, 1973. — 736 с.
32. Трусов А. И. Основы теории судебных доказательств. — М. : Госюриздат, 1960. — 176 с.
33. Ульянова Л. Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России. — М. : Городец, 2008. — 176 с.
34. Фаткуллин Ф. Н. Общие проблемы процессуального доказывания. — 2-е изд. — Казань : Казанский госуниверситет, 1976. — 206 с.
35. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. — СПб. : Альфа, 1996. — 607 с.
36. Хмыров А. А. Косвенные доказательства. — М. : Юридическая литература, 1979. — 184 с.
37. Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. — М. : Госюриздат, 1951. — 511 с.
38. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. — М. : Норма, 2008. — 240 с.
39. Шейфер С. А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. П. А. Лупинская. — М. : ВЮЗИ, 1972. — 130 с.

Материал поступил в редакцию 14 марта 2023 г.

REFERENCES

1. Arsenyev VD. Voprosy obshchey teorii sudebnykh dokazatelstv [Questions of the general theory of judicial evidence]. Moscow: Jurid. lit. Publ.; 1964. (In Russ.).
2. Barabash AS. Priroda rossiyskogo ugolovnoy protsess, tseli ugolovno-protsessualnoy deyatel'nosti i ikh ustanovlenie [The nature of the Russian criminal process, the goals of criminal procedural activity and their establishment]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Publ.; 2005. (In Russ.).
3. Barshev Ya. Osnovaniya ugolovnoy sudoproizvodstva s primeneniem k rossiyskomu ugolovnomu sudoproizvodstvu [The grounds of criminal proceedings with application to Russian criminal proceedings]. Moscow: Lexest Publ.; 2001. (In Russ.).
4. Belkin RS. Sobiranie, issledovanie i otsenka dokazatelstv. Sushchnost i metody [Collection, examination and evaluation of evidence. Essence and methods]. Moscow: Nauka Publ.; 1966. (In Russ.).
5. Bykov VM, Berezina LV. Dokazyvanie v stadii vzbuzhdeniya ugolovnoy dela [Proving at the stage of initiation of a criminal case]. Kazan: Taglimat Publ.; 2006. (In Russ.).
6. Vladimirov LE. Uchenie ob ugolovnykh dokazatelstvakh. [The doctrine of criminal evidence]. Tula: Autograph Publ.; 2000. (In Russ.).
7. Golunskiy SA (ed.). Voprosy sudoproizvodstva i sudoustroystva v novom zakonodatel'stve Soyuzov SSR [Issues of legal proceedings and judicial system in the new legislation of the USSR]. Moscow: Gosyurizdat Publ.; 1959. (In Russ.).
8. Vyshinsky AY. Teoriya sudebnykh dokazatelstv v sovetskom prave. [Theory of judicial evidence in Soviet law]. Moscow: Gosyurizdat Publ.; 1950. (In Russ.).
9. Gorskiy GF, Kokorev LD, Elkind PS. Problemy dokazatelstv v sovetskom ugolovnom protsesse [Problems of evidence in the Soviet criminal process]. Voronezh: Voronezh State University Publ.; 1978. (In Russ.).
10. Gromov VI. Veshchestvennyye uliki i nauchno-ugolovnaya tekhnika [Physical evidence and scientific and criminal equipment]. Moscow: Sovetskoye zakonodatel'stvo Publ.; 1932. (In Russ.).
11. Dolya EA. Formirovaniye dokazatelstv na osnove rezultatov operativno-rozysknoy deyatel'nosti [Formation of evidence based on the results of operational investigative activities]. Moscow: Prospect Publ.; 2009. (In Russ.).
12. Dorokhov VYa. Ponyatie dokazatelstva v sovetskom ugolovnom protsesse [The concept of evidence in the Soviet criminal process]. *Sovetskoye gosudarstvo i pravo*. 1964;9:108-117. (In Russ.).
13. Dukhovskoy MV. Russkiy ugolovnyy protsess [Russian criminal trial]. Moscow: A.P. Poplavskiy Publishing House; 1910. (In Russ.).
14. Zazhitskiy VI. Dokazatelstva i dokazyvanie po UPK RF [Evidence and proof under the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. St. Petersburg: Law Center-Press Publ.; 2015. (In Russ.).
15. Zolotykh VV. Proverka dopustimosti dokazatelstv v ugolovnom protsesse [Verification of the admissibility of evidence in criminal proceedings]. Rostov-on-Don: Phoenix Publ.; 1999. (In Russ.).
16. Kaz TsM. Dokazatelstva v sovetskom ugolovnom protsesse [Evidence in the Soviet criminal process]. Saratov: Saratov University Press; 1960. (In Russ.).
17. Karneeva LM. Dokazatelstva i dokazyvanie pri proizvodstve rassledovaniya [Evidence and proof during the investigation]. Gorky: Gorky Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR; 1977. (In Russ.).
18. Kokorev LD, Kuznetsov NP. Ugolovnyy protsess: dokazatelstva i dokazyvanie [Criminal process: evidence and proof]. Voronezh: Voronezh State University Publ.; 1995. (In Russ.).
19. Kostenko RV. Dokazatelstva v ugolovnom protsesse: kontseptualnyye podkhody i perspektivy pravovogo regulirovaniya: dis. ... d-ra yurid. nauk [Evidence in criminal proceedings: conceptual approaches and prospects of legal regulation: Dr. Sci. (Law) Diss.]. Krasnodar: KubGAU Publ.; 2006. (In Russ.).
20. Lazareva VA. Dokazyvanie v ugolovnom protsesse: uchebnik [Proving in criminal proceedings]. 5th ed. Moscow: Yurayt Publ.; 2014. (In Russ.).
21. Lukashevich VZ. O ponyatii dokazatelstva v sovetskom ugolovnom protsesse [On the concept of evidence in the Soviet criminal process]. *Pravovedenie*. 1963;1:110-119. (In Russ.).
22. Lupinskaya P.A. Dokazatelstva i dokazyvanie v novom ugolovnom protsesse [Evidence and proof in a new criminal trial]. *Russian Justice*. 2002;7:5-8. (In Russ.).
23. Lyublinskiy PI. O dokazatelstvakh v ugolovnom sude: prakticheskiy kommentariy k glave IV Ugolovno-protsessualnogo kodeksa [On evidence in the Criminal Court: a practical commentary on Chapter IV of the Code of Criminal Procedure]. Moscow: Pravo i zhizn Publ.; 1924. (In Russ.).

24. Lyakhov YuA. Dopustimost dokazatelstv v rossiyskom ugovnom protsesse [Admissibility of evidence in Russian criminal proceedings]. Moscow: Expert Bureau Publ.; 1999. (In Russ.).
25. Orlov YuK. Problemy teorii dokazatelstv v ugovnom protsesse [Problems of the theory of evidence in criminal proceedings]. Moscow: Jurist Publ.; 2009. (In Russ.).
26. Perlov ID. Ugolovnoe sudoproizvodstvo v SSSR. [Criminal proceedings in the USSR]. Moscow: Gosyurizdat Publ.; 1959. (In Russ.).
27. Sluchevsky VK. Uchebnik russkogo ugovnogo protsessa [Textbook of the Russian criminal process]. Part II. Moscow: Zertsalo Publ.; 2014. (In Russ.).
28. Spasovich VD. O teorii sudebno-ugolovnykh dokazatelstv v svyazi s sudoustroystvom i sudoproizvodstvom [On the theory of forensic evidence in connection with the judicial system and judicial proceedings]. Moscow: LexEst Publ.; 2001. (In Russ.).
29. Strogovich MS. Kurs sovetskogo ugovnogo protsessa [Course of the Soviet criminal process]. Vol. 1. Moscow: Nauka Publ.; 1968. (In Russ.).
30. Karnozova LM (ed.). Sudebnaya reforma: yuridicheskiy professionalizm i problemy yuridicheskogo obrazovaniya. Diskussii [Judicial reform: Legal professionalism and problems of legal education. Discussions]. Moscow: International Committee for the Promotion of Legal Reform Publ.; 1995. (In Russ.).
31. Zhogin NV (ed.). Teoriya dokazatelstv v sovetskom ugovnom protsesse [The theory of evidence in the Soviet criminal process]. Moscow: Yurid. lit. Publ.; 1973. (In Russ.).
32. Trusov AI. Osnovy teorii sudebnykh dokazatelstv [Fundamentals of the theory of judicial evidence]. Moscow: Gosyurizdat Publ.; 1960. (In Russ.).
33. Ulyanova LT. Predmet dokazyvaniya i dokazatelstva v ugovnom protsesse Rossii [The subject of proof and evidence in the criminal process of Russia]. Moscow: Gorodets Publ.; 2008. (In Russ.).
34. Fatkullin FN. Obshchie problemy protsessualnogo dokazyvaniya [General problems of procedural proof]. 2nd ed. Kazan: Kazan State University Publ.; 1976. (In Russ.).
35. Foynitskiy IYa. Kurs ugovnogo sudoproizvodstva [The course of criminal proceedings]. Vol. 2. St. Petersburg: Alfa Publ.; 1996. (In Russ.).
36. Khmyrov AA. Kosvennye dokazatelstva [Indirect evidence]. Moscow: Yurid. lit. Publ.; 1979. (In Russ.).
37. Cheltsov MA. Sovetskiy ugovnyy protsess. [The Soviet criminal trial]. Moscow: Gosyurizdat Publ.; 1951. (In Russ.).
38. Sheifer SA. Dokazatelstva i dokazyvanie po ugovnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya [Evidence and proving in criminal cases: problems of theory and legal regulation]. Moscow: Norma Publ.; 2008. (In Russ.).
39. Sheifer SA. Sushchnost i sposoby sobiraniya dokazatelstv v sovetskom ugovnom protsesse [The essence and methods of collecting evidence in the Soviet criminal process]. Lupinskaya PA (ed.). Moscow: VUZI Publ.; 1972. (In Russ.).